

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ-ЗЕМЛЯКОВ

Руслан Бушков

187

Классик русской поэзии XX века Николай Алексеевич Заболоцкий родился 24 апреля (7 мая по новому стилю) 1903 года на сельскохозяйственной ферме под Казанью. А детские и юношеские годы его прошли в марийском селе Сернуре и вятском городе Уржуме, которые стали для него поэтической родиной. Он известен как автор лучшего стихотворного переложения «Слова о полку Игореве» и непревзойденный певец родной природы, стоящий в одном ряду с Г. Р. Державиным, Е. А. Баратынским и Ф. И. Тютчевым.

Между тем сегодняшняя публика знает поэта больше по его любовной лирике, особенно по двум стихотворениям – «Признание» и «Можжевельный куст» из цикла «Последняя любовь», ставшим романсами и часто исполняемым современными певцами.

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не весёлая, не печальная,
Словно с тёмного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая...

Такое поэтическое признание было сделано пятидесятирехлетним Николаем Заболоцким красивой молодой московской почитательнице его таланта

Руслан Бушков – журналист, этнолог, культуролог. Окончил отделение журналистики (1983) и аспирантуру при кафедре этнологии и археологии (1993) Казанского государственного университета. Кандидат исторических наук, доцент, автор книг по историческому и литературному краеведению, этнической культуре поволжских народов

Николай Заболотский
(Заболоцкий)

Первая муза поэта
Евгения Баранова (1919)

Наталье Александровне Роскиной. Их роман и даже совместное проживание оказались недолгими, потому остальные стихотворения этого цикла почти все посвящены самой драгоценной для него женщине – жене Екатерине Васильевне, с которой он познакомился ещё в годы учебы в педагогическом институте им. А. И. Герцена в Петрограде и на которой женился в январе 1930 года. В октябре 1956 года их семейные отношения дали трещину. Последовавший разрыв им удалось преодолеть, и она вернулась к поэту...

И всё же интересно узнать, кто была первая его муза, когда произошло его первое любовное признание?

«Уж если говорить по правде, то ещё в Сернуре я был безнадежно влюблён в свою маленькую соседку Еню Баранову. Её полное имя было Евгения, но все, по домашней привычке, звали её почему-то Еня, а не Женя. У Ени были красивые серые глаза, которые своей чистой округлостью заставляли вспоминать о её фамилии, но это придавало ей лишь особую прелесть, – признавался сам Николай Заболотский в своих автобиографических заметках «Ранние годы». – После долгих, мучительных

колебаний я однажды совершенно неожиданно сказал ей басом: «Я люблю вас, Еня!» Еня с недоумением и полным непониманием происходящего подняла на меня свои чистые бараньи глазки, и, увидав их, я побагровел от стыда, повернулся и ударился в малодушное бегство. Через несколько дней после этого события нас обоих отвезли в Уржум и отдали меня в реальное училище, а её – в гимназию».

Еня приходилась дочерью многодетному помощнику волостного писаря, училась в 1911–1913 годах в одном классе с будущим поэтом в Сернурской земской начальной школе.

В Уржуме родители определили их жить на одной улице. «И надо же было так случиться, что ежедневно утром, по дороге в школу, мы непременно встречались с нею, и она смотрела на меня так вопросительно, так недоумевающе... Я же, надувшись, едва кланялся ей, этим способом я, несчастный, мстил ей

за своё невыразимое позорище», – вспоминал Николай Заболоцкий.

Впрочем, вскоре у реалиста Николая Заболотского (Заболоцким он стал в 1925 году, после вступления на литературный путь) появился новый предмет воздыханий – бледная, как лилия, гимназистка Рита Витман, дочь провизора. Её он заприметил в местном храме, куда реалисты в голубой форменной одежде из гимнастёрки и брюк и гимназистки в коричневых платьицах с белыми передничками обязаны были являться по субботам и воскресеньям к обедне и всенощной. В течение двухчасовой службы прислуживающие священникам реалисты умудрялись передавать гимназисткам от своих сотоварищей и обратно пачки любовных записок. И у Коли не раз возникло желание изъяснить свои чувства понравившейся Рите. Но сделать это, по его словам, он так и не решился, испугавшись нового непонимания и отказа: «В своей круглой гимназической шапочке со значком, загадочная и молчаливая, она была, безусловно, воплощением совершенства, но объяснить с нею я уже не мог, и она никогда не узнала о том, как мечтал о ней этот краснощёкий реалистик, какие пламенные стихи посвящал он её красоте!»

Уверенность пришла к нему в отношениях уже с другой гимназисткой – курносой и разбитной Ниной Пантюхиной, с которой он оказался в паре во время сбора пожертвований в пользу раненых на начавшейся летом 1914 года германской войне. «С этой девицей был у меня хотя и не длинный, но деятельный роман, – говорил поэт. – В начале немецкой войны мы собирали пожертвования в пользу раненых воинов. Ходили по домам парами: реалист и гимназистка. Реалист носил кружку для денег, гимназистка – щиток с металлическими жетонами, которые прикалывались на грудь жертвователям. Во всём этом деле моей неизменной дамой была Нина. И на каждой лестнице, прежде чем дёрнуть за ручку звонка, мы, да простит нам господь бог, целовались с удовольствием и увлечением».

Они встречались, как и другие молодые уржумские влюблённые, на заброшенном Митрофаньевском кладбище по буйской дороге. Здесь происходили не только свидания, но нередкие разборки и драки реалистов с учащимися городского четырёхклассного училища из-за девушек-гимназисток. Вооружённые кожаными форменными ремнями с медными бляхами реалисты почти всегда выходили в них победителями.

Своими любовными тайнами он делился лишь с одноклассником Мишей Ивановым, сыном учительницы женской гимназии, сочувствуя тому в чувствах к гимназистке Нине Перельман: «Таким образом я мало-помалу начинал постигать искусство любви, в то время как мой бедный друг Миша Иванов кротко и безнадежно мечтал о своей красавице и не дерзал даже близко подходить к ней».

Из сернурских друзей об уржумских сердечных делах бывшего одноклассника Коли знал, пожалуй, только Михаил Попов, ставший гимназистом Яранской мужской гимназии. По школьной привычке они проводили каникулы дома в Сернуре в одной компании с Еней Барановой. Подолгу беседовали, делились впечатлениями о прочитанных книгах, время от времени отправлялись купаться и ходили в чудное место за деревней Тимино, в трёх верстах от Сернура, прозванное за свою красоту местной Швейцарией. Миша пытался, как мог, помочь своим друзьям преодолеть смущение и отчуждение, наступившие после их конфуза с объяснением.

Между тем Николай Заболотский быстро стал своим среди уржумской молодежи и увлёкся новыми интересами и друзьями. Он начал активно сотрудничать в выпусках литературного журнала, редактируемого Мишей Касьяновым и оформляемого Володей Верещагиным и Васей Гужавиным; принимать участие в так называемых субботниках – литературно-вокальных вечерах, проводимых по субботам в реальном училище и женской гимназии. У него обна-

ружились хорошие музыкальные способности, и он читал стихи и пел, аккомпанируя себе на гитаре или балалайке, замечая, как ему по-особому стали улыбаться симпатичные уржумские девушки. С одной из них, гимназисткой по имени Ира, он получил возможность познакомиться поближе на домашней вечеринке с играми, театрализованной шарадами и танцами, устроенной товарищем по училищу Борисом Польшером.

В тот год он написал целую полушутливую поэму «Уржумиада» о своей уржумской жизни. В ней фигурировали его близкие друзья Николай Сбоев, Борис Польшер, Михаил Касьянов и гимназистки Нюра Громова и Шурочка Шестопёрова. Почему туда не попала Ира, осталось тайной. Но друзей-реалистов провести было трудно, особенно Мишу Касьянова. 12 декабря 1921 года он сам признался ему в письме: «Странно, Миша, что до сих пор мне иногда кажется, что я люблю её. Недавно я её видел во сне. Был какой-то хаос, поющая душа и питерское безлюдье. И я увидел её лицо и взгляд. И, упав, я плакал, плакал без конца. Я не мог посмотреть на неё».

Ира, как и Миша, поступила после Уржума учиться в Москву. А Николай к тому времени стал студентом педагогического института в Петрограде. Преодолев свою сердечную боль, он подружился в родном вузе с однокурсницей Аней Клюевой и её подругой Катей Ефимовой, которой посвятил даже длинное стихотворение «Любовь», а потом полюбил на всю жизнь Катю Клыкову – свою будущую жену. Он признался ей об этом в письме: «Сегодня я окончательно понял, что за эти годы если я кого и могу полюбить со всем восторгом и болью любви, то только Вас. Я понял, что жизнь подошла к перекрёстку. Я понял, родная, родная моя, и нет мне больше жизни». Оно было датировано 10 ноября 1928 года.

С Еней Барановой Николай расстался окончательно в 1919 году. Весной того года он приезжал в Сернур в со-

ставе группы самодеятельных артистов уржумской революционной молодежи. Выступить пришлось в помещении двухклассного училища, где теперь размещались педагогические курсы, призванные готовить учителей для марийских школ. После концертного выступления ему удалось выкроить время для посещений некоторых сернурских друзей. Он не мог не забежать к Ене Барановой, перешедшей учиться поближе к дому, в Куженерскую среднюю единую трудовую школу, открытую в здании Николаевского монастыря, построенного в 1904 – 1910 годах на средства известного яранского купца-книготорговца Фёдора Яковлевича Рощина. Радость была обоюдная, с чаепитием, расспросами об уржумской жизни. Ни Еня и её домашние, ни сам Николай не предполагали, что это их последняя встреча. Им не суждено было больше увидеться никогда.

После той поездки в Сернур Николай Заболотский привёл все свои стихи в порядок. Получилась целая самодельная книжечка с заглавием «Уржум», со стихотворениями, навеянными Сернуром, посвящением «На смерть Кошкина», поэмой «Уржумиада» и, конечно же, любовными виршами. Можно лишь предположить, какие пламенные строки посвящались в них музам его первых поэтических опытов.

Очень жаль, что стихи эти вместе с другими были уничтожены им впоследствии как неудачные. Хорошо, что некоторые из них оказались у сестры поэта Веры.

Много лет спустя Николай Заболотский в автобиографических заметках «Ранние годы», написанных им в 1955 году после встречи с томским писателем Николаем Иннокентьевичем Поповым, расскажет о своих первых любовных увлечениях. В том же году из-под его пера появится стихотворение «О красоте человеческих лиц», навеянное воспоминанием о Евгении Барановой, которой суждено было стать первой музой будущего поэта.

Судьба разбросала их по разным

городам. Евгения Баранова после Сернура и Куженера оказалась в Нижнем Тагиле, стала учительницей, вышла замуж за педагога. Об этом Николай Заболоцкий узнал уже после своего освобождения из исправительно-трудовых лагерей, куда он попал в 1938 году по нелепому обвинению в контрреволюционной деятельности, при встрече в апреле 1946 года с другом детства и юности военным врачом М.И. Касьяновым, нашедшим его через Всесоюзный радиокомитет.

С 1947 года Евгения Васильевна вместе с мужем Павлом Михайловичем Комлевым и дочерью проживала в городе Волжске.

Мне довелось встретиться с ней незадолго до её кончины. Оказалось, что она всю жизнь следила за творчеством и судьбой своего именитого одноклассника. О нём она справлялась у своей подруги детства Тони, сестры Михаила и Николая Поповых, своего брата Михаила Баранова, породнившегося с семьёй Ираклия Андроникова, друга Николая Заболоцкого.

Она не могла набраться смелости, чтобы просто так заявиться к поэту домой. А когда решилась, было уже поздно: 14 октября 1958 года его не стало... Она радовалась, что дожила до 85-летия Николая Заболоцкого, очень хотела дотянуть до его 90-летнего юбилея и принять в нём участие. Но этому не суждено было сбыться.

Евгения Васильевна была убеждена, что поэт сделал её лирической героиней одного из своих последних сти-

хотворений «Детство». В её жизни получилось всё так, как в его поэтических строках:

**И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придёт. Но и жена, и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос всё будет вспоминать.**

Она узнавала себя и в стихотворении «На даче», где говорилось о совместной игре сернурской детворы в крокет:

**А в далёкой даче дети
Пели, бегали в крокете,
И ликуя, и шутя,
Лёгким шариком вертя.**

Наотрез отказавшись фотографироваться, она протянула мне два своих пожелтевших снимка из семейного альбома. Невольно вспомнились строки из стихотворения Николая Заболоцкого «О красоте человеческих лиц»:

**Но малую хижину знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик, и чудесен!
Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих как солнце сияющих нот
Составлена песня небесных высот.**

Это было о ней, любившей читать книги на свету у окошка. С её лица, дарившего когда-то поэту душевность и сердечную теплоту, на меня смотрели те самые глаза, вызвавшие его первое любовное признание. Быть может, из-за них он и начал сочинять стихи.

Рис. Фирината Халикова